

О.В. Кравченкова

Судьба участников Бородинского сражения братьев Николая и Петра Олениных по письмам из фондов Бородинского музея

На Бородинском поле 26 августа 1812 г. закончили свою земную жизнь тысячи русских воинов, проявив высочайший героизм, храбрость и мужество в кровопролитнейшем сражении с армией императора Наполеона. В список убитых 26 августа 1812 г. в сражении при штаб- и обер-офицеров лейб-гвардии Семеновского полка навечно занесено имя прапорщика Николая Оленина. Его прах покоится на Бородинском поле. На надгробии могилы надпись: “Под сим камнем лежат тела двух юных друзей, служивших лейб-гвардии в Семеновском полку: поручика графа Сергея Николаевича Татищева, родившегося 11-го ноября 1791 года и прапорщика Николая Алексеевича Оленина, родившегося 29-го ноября 1793 года убитых одним ядром в знаменитом Бородинском сражении 26 августа 1812 года”. Участь быть раненым в Бородинском сражении постигла младшего брата Николая Оленина, прапорщика того же полка Петра Оленина. Петр остался жив и в дальнейшем дослужился до чина генерал-майора.

У Петра Алексеевича находились реликвии, сохранявшие память о славной и грозной эпохе 1812 года. Среди них походный стакан и письма, адресованные отцу Николаю и Петру Алексею Николаевичу Оленину.

Эти дорогие сердцу бесценные экспонаты семьи Олениных были переданы в фонды Бородинского музея потомком Петра Алексеевича А. А. Олениным в 1961 г.

Письма Олениных, представляющие собой историческую ценность, дают возможность приоткрыть страницу жизни известного дворянского рода, воспитавшего героев Бородина.

Имя Алексея Николаевича Оленина (1763–1843) было широко известно в научных и культурных кругах российского общества. Это был

высококультурный, всесторонне образованный человек, глубокий знаток и собиратель памятников древнерусской и античной культуры, археолог и художник, устроитель и первый директор Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, президент Академии художеств, государственный деятель, член Государственного Совета.

В начале XIX в. А.Н. Оленин собирал вокруг себя известных писателей и поэтов, художников, актеров, музыкантов. Доброжелательный и отзывчивый, Алексей Николаевич объединял все без исключения таланты, с особым удовлетворением покровительствовал молодым. Примечательны слова мемуариста Ф.Ф. Вигеля, посещавшего литературные собрания в доме Олениных: «Подобного дома трудно было бы сыскать тогда в Петербурге... Нигде нельзя было встретить столько свободы, удовольствия и пристойности вместе, ни в одном семействе — такого доброго согласия, такой взаимной нежности, ни в каких хозяевах — столь образованной приветливости. Всего примечательнее было искусное сочетание всех приятностей европейской жизни с простотой, с обычаями русской старины»ⁱ.

У Алексея Николаевича Оленина и его супруги Елизаветы Марковны (урожденная Полторацкая) было пятеро детей: старший сын Николай (1793–1812), второй Петр (1794–1868), третий — Алексей (1797–1854), дочери: Варвара (1802–1877) и Анна (1808–1888).

Старшие сыновья Алексея Николаевича Николай и Петр 3 апреля 1807 г. в возрасте 13 и 12 лет были зачислены колонновожатыми в Свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. В 1809 г. оба брата были переведены портупей-прапорщиками в лейб-гвардии Семеновский полк. Николай немногим раньше, 18 ноября 1811 г., а Петр 9 марта 1812 г., получили первый обер-офицерский чин прапорщикаⁱⁱ.

9 марта 1812 г. Николай и Петр Оленины, покинув дом в первый раз, в составе лейб-гвардии Семеновского полка выступили в поход из Санкт-Петербурга в Вильно. Отправляя детей, Алексей Николаевич

напутствовал их письменным наставлением: «Любезные дети Николай и Петр! ... Будьте набожны без ханженства, добры без лишней нежности, тверды без упрямства; помогайте ближнему всеми силами вашими, не предаваясь эгоизму, который только заглушает совесть, а не успокаивает ее. Будьте храбры, а не наянливы^{*1}, никуда не напрашивайтесь, но никогда не отказывайтесь, если вас куда посылать будут, хотя бы видели пред собою неизбежную смерть ... Я и сам так служил и служить еще буду, если нужда того востребует...»ⁱⁱⁱ

Во время похода братья находились под постоянной опекой и присмотром командира второго батальона лейб-гвардии Семеновского полка полковника барона Максима Ивановича де Дамаса, друга семьи Олениных. 15 марта штаб лейб-гвардии Семеновского полка, следуя по утвержденному императором маршруту, остановился в городе Луге. На следующий день М.И. де Дамас написал и отправил письмо А.Н. Оленину в Петербург^{iv}. Выполняя данное обещание «уведомлять о всех происшествиях», М.И. де Дамас оповещал Алексея Николаевича о службе и занятиях его сыновей. Максим Иванович де Дамас, французский дворянин, любил всей душой Николая и Петра, выросших в уважении, доброте и любви. Он радовался всем их занятиям и с удовольствием наблюдал за тем, как в свободное время они танцевали и плясали по-русски. Из письма становится понятно, что у М.И. де Дамаса были теплые дружеские отношения со всем семейством Олениных. Он переписывался с Елизаветой Марковной, передавал поздравления Константину, предположительно, брату Елизаветы Марковны Полторацкому Константину Марковичу, полковнику, шефу Нашебургского пехотного полка 3-й Западной армии, служившему до августа 1810 г. в лейб-гвардии Семеновском полку.

Вероятно, были и другие письма М.И. де Дамаса А.Н. Оленину на

---

* Назойливы, нахальны (обл.).

протяжении похода лейб-гвардии Семеновского полка.

После проведения в г. Вильно 29 и 31 мая парада и маневров в высочайшем присутствии последовал приказ выступить назад. Едва полк начал переходы, как 13 июня был объявлен приказ Александра I о начале войны с Францией. Наполеон перешел Неман и направился в Вильно. Немедленно, 15 июня, лейб-гвардии Семеновский полк выступил в Свенцяны на сборное место гвардейской пехотной дивизии.

Алексей Николаевич Оленин, как и все русские люди, переживая за происходящие события, мог уведомляться о состоянии своих сыновей, ведя переписку с М.И. де Дамасом. Вместе с письмами он отправлял деньги на нужды Николая и Петра. Деньги находились на хранении в полковом ящике под гербовой печатью М. И. де Дамаса. Максим Иванович выдавал деньги Николаю и Петру под расписку Николая и о расходах сообщал Алексею Николаевичу^v.

Лейб-гвардии Семеновский полк маршем выступал на новые позиции, ожидая следующих приказаний для дальнейшего отступления. Пройдя Царево-Займище, Гжатск, Колоцкий монастырь, 22 августа в 10 часов утра гвардейский корпус раскинул лагерь у с. Бородина^{vi}. Накануне сражения лейб-гвардии Семеновский полк вместе с лейб-гвардии Преображенским в составе 5-го пехотного корпуса были поставлены в резервной линии русской позиции. Полковым приказом от 24 августа Петр Оленин был прикомандирован ко 2-му батальону лейб-гвардии Семеновского полка в должности адъютанта^{vii}.

В день Бородинского сражения батальоны лейб-гвардии Семеновского полка, находясь в резерве и не сделав ни одного выстрела, несли потери от ядер и гранат, которые буквально вспахивали землю. Воины полка, стоя с ружьем у ноги, смыкали ряды, когда неприятельский огонь уносил жизни товарищей. Жертвами долетевших ядер стали Петр и Николай Оленины. Остановимся на воспоминаниях Матвея Ивановича Муравьева-Апостола,

служившего прапорщиком в лейб-гвардии Семеновском полку. В Бородинском сражении он стоял в 3-м батальоне под знаменем и был свидетелем происходящего: «Правее 1-го батальона Семеновского полка находился 2-ой батальон. Петр Алексеевич Оленин, как адъютант 2-го батальона, был перед ним верхом. В 8 часов утра ядро пролетело близ его головы; он упал с лошади, и его сочли убитым. Князь Сергей Петрович Трубецкой, ходивший к раненым на перевязку, успокоил старшего Оленина тем, что брат его только контужен и останется жив. Оленин был вне себя от радости. Офицеры собрались перед батальоном в кружок, чтобы пораспросить о контуженном. В это время неприятельский огонь усилился, и ядра начали нас бить. Тогда командир 2-го батальона, полковник барон Максим Иванович де Дамас (De Damas), скомандовал: “г-да офицеры, по местам”. Николай Алексеевич Оленин стал у своего взвода, а граф Татищев перед ним у своего, лицом к Оленину. Они оба радовались только что сообщенному счастливому известию; в эту самую минуту ядро пробило спину графа Татищева и грудь Оленина, и унтер-офицеру оторвало ногу»^{viii}. Таковы обстоятельства гибели Николая Оленина и ранении Петра. О том, что Петр получил контузию в шею, свидетельствует и М.И. де Дамас^{ix}. Это уточнение расходится с формулярным списком и списком награжденных за Бородинское сражение, в которых значится, что Петр «получил контузию от ядра в грудь», за что награжден орденом Св. Анны 3-й степени^x.

Можно себе представить, что чувствовал М.И. де Дамас, на глазах которого это случилось. Петрушу, получившего сильную контузию, Максим Иванович в сопровождении слуг братьев Олениных Михаила Карасева и Тимофея Мешкова довели до Москвы, где остановились в доме старшего брата Елизаветы Марковны Олениной Дмитрия Марковича Полторацкого. Петр был без памяти. Через два дня кризис миновал, и состояние здоровья его стало улучшаться. Отправив Петра со слугами в Рязань, М.И. де Дамас, вернулся в армию. Ему предстояла еще одна тяжелая миссия: оповестить

родителей Алексея Николаевича и Елизавету Марковну об их горе. Он подробно написал о случившемся родственнику и другу Алексея Николаевича сенатору Александру Дмитриевичу Сухареву, мужу сестры Елизаветы Марковны Агафоклеи, и попросил его «известить несчастных родителей о смерти старшего их сына и о ране другого». Далее он написал: «Николай убит ядром, которое вырвало у него сердце: при мне он был похоронен. Петр получил в шею сильную от ядра контузию». Повествуя о состоянии Петруши, М.И. де Дамас упоминает графа Матвея Александровича Дмитриева-Мамонова, одного из богатейших людей России, участника Бородинского сражения в составе Московского ополчения, который дал шубу, коляску, деньги и все для того, чтобы отправить Петра в Рязань^{xi}.

М.И. де Дамас в тот же день, 2 сентября, послал очень короткое письмо Алексею Николаевичу. Находясь в тяжелом душевном состоянии, далеко от Алексея Николаевича и Елизаветы Марковны, Максим Иванович сам не мог им все описать, он боялся подобрать не те слова, боялся, что письмом не может их утешить: «...и чему более писать? Слова недостаточны. Прощайте»^{xii}.

Максим Иванович де Дамас и слуги Олениных Михаил Карасев и Тимофей Мешков получили разрешение на отдельное захоронение Николая Оленина и Сергея Татищева. «По приезде нашем в Можайск, — писали они Алексею Николаевичу, — сыскали два гроба для Николая Алексеевича и господина Татищева, и священник, отпев их, похоронил по долгу христианскому». Это письмо А.Н. Оленин направил к редактору журнала «Сын Отечества» Н.И. Гречу для его публикации. Материалы были опубликованы в третьем номере журнала за 1812 г.^{xiii}

В своей усадьбе Приютино под Петербургом А.Н. Оленин увековечил память о 1812 годе. В парке, на месте молоденького дубка, который был посажен Николаем Олениным и засох после его гибели, он установил камень

в память о сыне. Переживали гибель Николая и близкие друзья дома Олениных. Поэт и переводчик Н.И. Гнедич написал на это трагическое событие стихотворение:

Здесь некогда наш сын
Дуб юный возвращал.
Он жил и дерево взрастало.
В полях Бородина
Он за Отчизну пал,
И дерево увяло.

Но не увянет здесь
Дней наших до конца
Куст повилики сей,
На камень насажденный.
И с каждою весной
Взойдет он, орошенный
Слезами матери и грустию отца.

В 1813 г. предполагалось перезахоронение Николая Оленина и Сергея Татищева у церкви Святой Троицы в Можайске. Алексей Николаевич Оленин явился автором проекта памятника на могилу сына. Изготовленный памятник отправили с Тимофеем Мешковым, и 22 июня он был доставлен в Можайск. К этому времени уже была готова новая могила. 26 июня два гроба были поставлены в церковь, на следующий день после литургии и молебна состоялись панихида и перезахоронение «покойных воинов». В тот же день на могилу был поставлен присланный памятник. О перезахоронении Николая Оленина и Сергея Татищева и об установке памятника Иван Старков написал Н.А. Оленину в письме из Москвы от 3 июля 1813 г.^{xiv}

В августе следующего года Алексей Николаевич выслал деньги для поминания Николая Оленина и Сергея Татищева. Выполняя желание А.Н.

Оленина, священник церкви Св. Троицы Дмитрий Иванов 28 августа «отслужил по них божественную Литургию, и на том месте, где оные отроки, погребены, панихиду» и взял «себе правилом» всегда совершать поминовения «об них в Литургиях у Престола Божия»^{xv}.

Приближались 10-летие со дня Бородинского сражения и 10-я годовщина гибели Николая. Готовясь к этой дате, Алексей Николаевич Оленин задумал провести ряд работ на могиле сына. По его просьбе участок вокруг могилы выложили белым камнем, несколько выше подняли памятник, по чертежам А.Н. Оленина была изготовлена и установлена дубовая решетка, покрашены надпись на памятнике и решетка. Выполнив указанные работы, священник церкви Св. Троицы Иона Иванович Донской оповестил Алексея Николаевича о приведении в порядок могилы Николая Оленина и Сергея Татищева^{xvi}.

Родительское благословение Олениных распространялось и на погибшего Николая соответственно словам из упомянутого наставления детям: «...да будет благословение наше на вас по конец дней ваших и в будущей жизни»^{xvii}.

Искренней была и любовь детей Олениных к своим родителям. Следуя напутствиям отца, совестливый Петр Оленин, оправившись после тяжелой контузии, в 1812 г. вернулся в армию. Данные формулярного списка говорят о том, что уже через месяц он был в строю^{xviii}. На следующий год Петр Оленин получил чин подпоручика. Участвовал в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. В 1814 г. был назначен адъютантом генерал-лейтенанта графа М.С. Воронцова. В составе российского Оккупационного корпуса во Франции, который возглавлял генерал-адъютант граф М.С. Воронцов, Петр Оленин находился в Париже.

Во Франции Петр вновь был вместе со своим другом и наставником Максимом Ивановичем де Дамасом. М.И. де Дамас, проявив особое отличие при взятии Парижа, в мае 1814 г. вышел в отставку, затем вступил во

французскую армию в чине генерал-лейтенанта. Во время пребывания Петра во Франции продолжалась их тесная дружба. По возвращении Петра Алексеевича в Россию, ему оставалось только вести переписку с Максимом Ивановичем. Сам М.И. де Дамас, помогая Петру возвратиться в Россию его вещи и книги, скорбел о том, что обстоятельства вынуждены их разлучить и они, вероятно, больше не увидятся. О своих переживаниях он написал Петру из Марселя 30 августа 1822 г.^{xix} В письме он просил уверить в своей любви Алексея Николаевича и Елизавету Марковну, сестер Петра Варвару и Анюту, брата Алексея и Марфу Федоровну Коханееву, родственницу Олениных, жившую в их доме^{xx}.

Ноты грусти лежат в строчках письма, в его обращении к Петруше: «Прощай, друг любезный». Дамас позаботился о доставлении Петру его книг и ружья, для этого он переслал их в Одессу к градоначальнику города, генералу от инфантерии графу Александру Федоровичу де Ланжерону, который далее морским путем должен был отправить их в Россию.

В письме М.И. де Дамас просил передать «о благодарности и привязанности» П.П. Коновницыну, еще не зная, что всего лишь днем ранее не стало Петра Петровича.

Это единственное письмо, адресованное Петру Алексеевичу. Оно завершает документы фонда Олениных. Письмо написано в те дни, когда была приведена в порядок могила Николая и отслужена панихида в день 10-летия со дня его гибели.

Праха Николая Оленина 154 года покоился у ограды напротив алтаря церкви Святой Троицы в г. Можайске. В 1967 г. состоялось перезахоронение Сергея Татищева и Николая Оленина на Бородинское поле. Перенесли и установили на могилу тот же памятник, выполненный по проекту Алексея Николаевича Оленина.

Сотрудники Бородинского музея хранят память о семье Олениных, бережно ухаживая за могилой Николая, показывая посетителям походный

стакан в футляре Петра и сохраняя в фондах музея подлинные письма.

Тексты всех писем подготовлены к публикации с сохранением авторских ошибок, грамматических и синтаксических особенностей языка первой половины XIX в. В квадратных скобках приводятся пропуски букв в середине и окончании слов.

Письмо М.И. де Дамаса А.Н. Оленину от 16 марта 1812 г., г. Луга.

«Его превосходительству

Милостивому Государю.

Алексею Николаевичу Оленину.

Тайному советнику и кавалеру.

На Фонтанке, между Семеновским и Обуховским мостом: в собственном доме. —

В С-т. Петербурге.

Милостивый Государь Алексей Николаевич

Я обещал вас уведомлять о всех происшествиях с нами случающихся: с [с]кромным удовольствием исполняю оное. Произшедствию сии дальних последствий иметь не могут, они суть обыкновенные, которые в походе случиться могут. Петр и Николай здоровы и еще в большой суете: долека ли квартира от большой дороги, хороша или нет, как по всему полку объездить? Вот важнейшия их занятия: они с удовольствием находят случай о вас говорить: вчера получили оне портрет Елисаветы Марковны, который в то же время был ко мне принесен.

Целые переходы они делают пешками: придя же на квартиру, 1-е занятие их выспаться; 2-е отобедать, а после они проводят время сколь возможно веселье. По малому числу квартир случилось мне стоять с ними в

одной избе, и я имел удовольствие видеть Николая и Петра танцующих Шаль с необыкновенными грасами^{*2}. Они также при мне плясали по рус[с]ки и вот в каком костюме.

У обеих овчинья тулупы: оба портупеями подпоясены; у Николая же Алексеевича черная софьянная шапка, на подобье скуфейки, с серебряными цветами, и зеленые сапошки. У Петра же Алексеевича голова завязана платком, а на ногах желтые сапоги.

В подобных сему занятиях они проводят часть своего времени: вечером, они иногда к вам пишут: после сего поужинав, они ложатся спать, и на другой день тем же самым занимаются.

Вы признаетесь, Алексей Николаевич, что такого рода занятия не могут портить молодых людей.

Еще я вас должен уведомить о немаловажных происшествиях, случившихся с Николаем и с Петром. 1-й потерял между Софиею и Латчиною кiset с табаком, а второй забыл в Гатчине несколько фунтов конфет, которые после были присланы в полк при сообщении, и мною розданы кому конфет угодно было.

Николая Алексеевича рука в лучшем состоянии: он теперь служит: прежде-же сего, пользуясь правами больного, гремучия в полтара аршина шпоры везде извещали о его пришествии.

Я сего дни не буду вам говорить о прочих обстоятельствах нашего путешествия: 1-е потому что уже письмо довольно долго, а второе потому что у меня глаза болят, и потому я с трудом и сие пишу. По той же самой причине, я и к Елисавете Марковне не пишу. Поздравляю Константина. Клан[я]юсь и желаю душевно всякаго щастия и благополучия всем вашим. Прощайте, Алексей Николаевич, верьте что на век вам предан Дамас.

Город Луга.

---

* фр. grase. Приятность, ловкость, прелесть, нежность.

Марта 16-го дня

1812-го года».

Письмо М.И. де Дамас А.Н. Оленину от 28 июня 1812 г. из лагеря под
Дриссою:

«Мы слава богу живы и здоровы, любезнейший Алексей Николаевич: желаем и вам тоже. Письмы ваши и деньги получили: сих последних я не успел тот час отправить в полковой ящик: к Николаю пристало много добрых рябят, у которых денег не было: признаюсь что я не имел духу отказать, тем более что 54 червонца еще в резерве находятся и так большая часть из двух сот сорока рублей отданы в займы: я надеюсь что вы меня не охулите. — Прощайте. —

И мы желаем возвратится, но не иначе как с честью. — Присем, на всякой случай посылаю вам росписку Николаева. — Кланитесь всем вашим и окружающим, которые об нас вспоминают. Вам преданный — Дамас.

Лагерь под Дриссою

Июня 28-го дня 1812-го года

Потрудитесь переслать присем прилагаемья письма».

Расписка Николая Оленина:

«Я ниже подписавшийся получил от Г. полковника барона де Дамаса из находящихся у него моих собственных денег для себя и для брата моего ассигнациями тристо рублей серебряной монетою сто рублей и сверх того восемьдесят шесть червонных в чем и свидетельствую.

Лагерь под Свенцанами. Июня 17 дня 1812 года. Прапорщик Оленин 1-й.

Затем осталось прапорщиков Олениных пятьдесят четыре червонца. Оныя деньги находятся в полковом ящике запечатанные печатью герба моего: в чем и свидетельствую. Лагерь близ города Свенцияны июня 17-го дня 1812-года.

барон де Дамас».

Письмо М.И. де Дамаса Александру Дмитриевичу [Сухареву] от 2 сентября 1812 г. из лагеря близ села Паньки.

«Милостивой Государь Александр Дмитриевич:

Я к вам писал из Москвы но сомневаюсь в том, чтобы вы мое письмо получили: и потому должен еще вам писать о несчастьи Алексея Николаевича и Елисаветы Марковны и просить известить их о том. Есть ли обязанности дружбы и родства часто приятно исполнять, куды сии обязанности иногда ужасны бывают! Я никого не знаю, который был более вас близок к Алексею Николаевичу, и потому более никого просить не могу известить несчастных родителей о смерти старшаго их сына и о ране другаго. Николай убит ядром, которое вырвало у него сердце: при мне он был похаронен. Петр получил в шею сильную от ядра контузию: будучи сам легко ранен в левую руку, я привез Петра в Москву и он еще был без памяти. Я жил там 28-е и 29-е число августа все средства к спасению Петруши были употреблены. Наконец 30-го лекарь объявил, что он спасен, и даже у него не будет чехотки. Время оставалось весьма мало; к щастию приехал Мамонов, он дал шубу, коляску деньги и все, что нужно было для того, чтобы отправить моего больного и так 31-го числа он поехал в Рязань в полный памяти, но говорить еще он не мог. С ним поехали Тимофей, Михайла и Ванька, да еще два мужика из подмосковный Алексея Николаевича, которым я обещал, что барин достойно их наградит: а оне были необходимы, потому что без них лошадей бы не было. — Ежели дорога не зделает вреда Петруше, он жив будет непременно. — под моею печатью остались здесь еще деньги Николая и Петра, да им еще должны остались, и оне должны, сему причиною, что их деньги в казенном ящике, который уже давно при полку не

находится: в скором времени я пришлю щет обстоятельнее.

Прощайте Александр Дмитриевич, вы меня знаете, и воображаете, что я чувствую.

Вам преданный Дамас

Лагерь близ села Паньки
сентября 2-го дня 1812-го года».

Письмо М.И. де Дамаса А.Н. Оленину от 2 сентября 1812 г.

«Его Превосходительству Милостивому Государю
Алексею Николаевичу Оленину

«Я просил Александра Дмитриевича известить вас о нещастии вашем, Алексей Николаевич: вы зная меня, знаете какую я принимаю участь в вашем состоянии. Богу было угодно призвать к себе Николая: Петр жив и я надеюсь будет жив: в письме моем к Александру Дмитриевичу, вы увидите подробности и чему более писать? Слова недостаточны. Прощайте.

Вам преданный
Дамас

Сентября 2-го дня».

Письмо Ивана Старкова А.Н. Оленину от 3 июля 1813г., Москва.

«Ваше Превосходительство!

Милостивый Государь.

Человек ваш Тимофей Мешков, в Можайск явился 22 июня, чему я обрадован был не сказано, ибо новая могила обработкою кончена около месяца, по подтверждении его о месте о похороненных, обратился я в тот же день, к присутствующему Консistorии Лужецкого монастыря казначею отцу Иоасафу, об окончании возложеннаго от вашего превосходительства мне поручения, к которому и от преосвященнаго Августина сделано было предписание; но получа от него ответ, что ему сию процессию велено произвести в присутствии родителей, принужден я был оставить в удостоверение от вас писанное ко мне пис[ь]мо; а к Мешкову повеление, получа же от него согласие, я подрядил сделать два осмоленных ящика, и покойных воинов, положивших свою жизнь за Веру и Отечество переместил в церковь в 26-й день июня; А на следующий после Литургии и молебна о победе врага под Полтавою, по отслужении Собором панихиды с казенною от священника проповедию, положены в новоприготовленную могилу, при чем находились Голова и казенный староста с 30-ю человеками крестьян от борисовскаго отделения, для необходимаго тут пособия, и ими то поставлен над могилою присланный от вашего Превосходительства памятник в тот же день. — Счот об издержках подношу у сего. — с каким усердием желал исполнить вашу волю ныне, с таким точно я буду чтится быть полезным и на будущее время и с глубочайшим почитанием, преданностию за честь поставлю себя именовать:

вашего Превосходительства!

Милостивый Государь всепокорнейшим Слугою

Иван Старков

3-го июля

1813 года

Москва.

Счот

	За 8 бочек известки по 7 ср. с провозом из Вереи _____	56
ср.	За 125 белаго камня _____ " _____ " _____ "	50
ср.	За две тысячи новаго кирпича _____ по 15 ср. _____ " _____	30
ср.	За две сотни стараго _____ " _____ " _____	4
ср.	Для свода за 10-ть тесниц _____ " _____ " _____	5
ср.	Каменщикам за работу _____ " _____ " _____	55
ср.	За сделание двух ящиков и за осмоление их _____ " _____	38
ср.	За 9-ть 1/2 фунтов свеч больших и малых _____ " _____	15
ср.	За свечи кои теплились во время обедни у местных образов __ " __	4
ср.	За два фунта ладону _____ " _____ " _____	4
ср.		
	Священникам.	
	Строителю или казначею Лужецкаго монастыря _____	25
ср.	Приходскому священнику _____ " _____ " _____	15
ср.	Третьему Вознесенскому _____ " _____ " _____	10
ср.	За чтение псалмов с вечерен ночью и до обедни _____	4
ср.	Калачей для крестьян бывших при выносе _____	5
ср.	На угощение священства _____ " _____ " _____	15
ср.		
	Итого _____ " _____	335 ср.

Ея благородию Надежде Николаевне Старковой на Моросейке в доме

купца Капустина в Москве».

Письмо священника Дмитрия Иванова А.Н. Оленину от 8 сентября 1814 г.,
Можайск.

«Ваше Превосходительство!

Милостивый Государь!

Присланные от Вашего Превосходительства денги двадцать пять рублей, для поминовения дражайшаго вашего сына Николая Алексеевича и графа Сергея Николаевича Татищева, положивших жизнь свою за веру и Отечество, во время бывшего под селом Бородиным знаменитаго сражения; прошедшаго августа "27" числа получил; за что и приносим нашу наичувствительнейшую благодарность; а "28" числа августа, с достодолжным моим послушанием, исполнил Вашего Превосходительства желание; служил по них божественную Литургию, и на том месте, где оные отроки погребены панихиду; сим образом, как прежде так и наивсегда неперменным себе правилом поставляю об них в Литургиях у Престола Божия продолжать всегдашнее поминовение.

С истинным моим высокопочитанием и совершенною преданностию честь имею пребыть

Вашего Превосходительства!

Милостиваго Государя

всепокорный слуга и богомолец

Троицкий священник Дмитрий Иванов

"8" сентября

1814 года

Можайск».

Письмо священника И.И. Донского А.Н. Оленину от 4 сентября 1822 г.

«Ваше Превосходительство!

Милостивый Государь!

По предписанию Вашего Превосходительства, все исполнил и привел в порядок прошлаго августа месяца 17-го дня. 1-е. Вокруг могилы выклали белым камнем; а средину белаго же камня большею лещадью, а крайки для дождеваго скату дерном. 2-е. Самой же памятник подняли гораздо выше. 3-е. Вокруг онаго по плану Вашему зделали дубовую решетку, которую покрыл два раза маслом с темно-серою краскою, а в третий на манер самаго памятника маслиным же брызгом. Что же оная постройка подробно будет стоять честь имею уведомить Ваше Превосходительство.

1-е. На могилу белаго камня и лещадьи на 16 -ть рублей

2-е. Каменьщику за работу _____ 12-ть рублей

3-е. Дубу для решетки _____ 37-мь руб: и 50-ть копеек

4-е. За пилку пильщикам _____ 8-мь руб. и 50-ть копеек

5-е. Сталярам за работу _____ 21-н рубль

6-е. Красильщику решетки за работу, за масло и краску ____ 12-ть рублей

Итого 107-мь рублей

А остальной один рубль употребил для прояснения на монументе слов краскою на масле, так как многие проезжающие из любопытства заходят читать, дабы было видно.

Вашего Превосходительства

Милостивейшаго Государя.

Нижайший послушник и
Неусыпный у престола Господня
Богомолец, Можайский Градский
Троицкий священник Иона Иванов Донский.

Сентября 4-го дня
1822-го года».

Письмо М.И. де Дамаса П.А. Оленину от 30 августа 1822 г., г.
Марсель.

«Друг мой любезный, Петр Алексеевич,

Дай бог тебе и твоим всякаго рода щастия и благополучия; ты меня спасителем называешь; Да вы все Русския спасители мои.

Я оплакиваю обстоятельства, которые так нас разделяют; ведь в положении нашем, мы может быть никогда несвидимся; Но что делать; так Богу угодно!

Ружье и книги тебе перешлю через Одессу, но вещи не стоят того; все съедено; оказии в Одессу редки; а сухим путем слишком было бы дорого.

Жена и три сына мои здоровы; четвертый сын скоро прибудет; я не совершенно еще поправился но мое здоровье поправилось. —

Ивану Андреевичу Крылову, Николаю Ивановичу Гнедичу, Александру Ивановичу Ермолаеву и всем обыкновенным гостям вашим клан[я]юсь; Алексею Николаевичу и Елизавете Марковне, скажи, что я их как отца и мать люблю: Алексею, Вариньке, Анноте и Марфе Федоровне, скажи что я их как братьев и сестер люблю. Где ты и что ты делаешь?

Прощай Друг любезный.

Перешли пожалуй [ста], кому следует, при сем прилагаемые письма.

Дамас.

Книги твои сегодня отправляются в Одессу, откуда граф Ланжерон перешлет их к тебе, также и ружье. Но вещи и книги тобою в Париже оставленные, мне никогда небыли доставлены.

Вторая часть истории Карамзина, у меня еще п[р]и тебе затерялась, нельзяль ее мне доставить, также и продолжение оной?

Доставь пожалуй[ста], кому следует, присем приложенные письма.

Ежели ты еще п[р]и Петре Петровиче Коновницыне, уверь о благодарности и привязанности.

Подпись».

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Воспоминания Ф.Ф. Вигеля // Рус. вестник М., 1864. Т. 54. С.143, 145.

ⁱⁱ *Аглаимов С.П.* Отечественная война 1812 года: Ист. материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912. С. 507.

ⁱⁱⁱ *Тимофеев Л.В.* В кругу друзей и муз: Дом А.Н. Оленина. Л., 1983. С. 287.

^{iv} См.: Письмо М.И. де Дамаса А.Н. Оленину от 16 марта 1812 г. // ГБВИМЗ. Ф. Олениных.

^v См.: Письмо М.И. де Дамаса А.Н. Оленину от 28 июня 1812 г. // Там же.

^{vi} *Аглаимов С.П.* Указ. соч. С. 49.

^{vii} Там же. С. 295.

^{viii} Рус. архив. 1886. Кн.1. С. 226.

^{ix} См.: Письмо М.И. де Дамаса А. Д. [Сухареву] от 2 сентября 1812 г. // ГБВИМЗ. Ф. Олениных.

^x *Аглаимов С.П.* Указ. соч. С. 316, 507.

^{xi} См.: Письмо М.И. де Дамаса А.Д. [Сухареву] от 2 сентября 1812 г. // ГБВИМЗ. Ф. Олениных.

^{xii} См.: Письмо М.И. де Дамаса А.Н. Оленину от 2 сентября 1812 г. // Там же.

^{xiii} *Тимофеев Л.В.* Указ. соч. С. 82.

^{xiv} См.: Письмо Ивана Старкова А.Н. Оленину от 3 июля 1813 г. // ГБВИМЗ. Ф. Олениных.

^{xv} См.: Письмо священника Дм. Иванова А.Н. Оленину от 8 сентября 1814 г. // Там же.

^{xvi} См.: Письмо священника И.И. Донского А.Н. Оленину от 4 сентября 1822 г. // Там же.

^{xvii} *Тимофеев Л.Н.* Указ. соч. С. 287.

^{xviii} РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3.

^{xix} См.: Письмо М.И. де Дамаса П.А. Оленину от 30 августа 1822 г. // ГБВИМЗ Ф. Олениных.

^{xx} Известно, что М.И. де Дамас, будучи военным министром, затем министром иностранных дел Франции, вел переписку с Алексеем Николаевичем Олениным. См.:

Рус. архив. 1886. Кн.1. С. 226.